

УДК 7.01 + 165.18

А. Е. Радеев

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ АКСИОМАТИКЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Современная эстетика имеет тенденцию к созданию «большой теории», в основе которой лежит преодоление постмодернистской иронии и определение новых оснований для ключевых эстетических вопросов. Одним из аспектов этой тенденции является теория эстетического опыта. Определяются аксиоматика и проблематика эстетического опыта и основные их варианты в современных эстетических исследованиях. Делается вывод, что обращение к аксиоматике эстетического опыта позволяет поставить вопрос о самом же статусе эстетики как теории.

Большая теория, эстетический опыт, аксиоматика, Р. Шустерман, Дж. Дики

Постмодернистский ураган, пройдя по территории философских дисциплин, уже утих. Постмодерн как «недоверие к метанаррациям» уходит в прошлое и его сменяет тоска по чему-то противоположному тотальной иронии, а отказ от постмодерна оборачивается не столько пресловутой бесконечностью «пост-», сколько идеями, получившими наименование метамодернизма.

И хотя последнее еще не получило того концептуального закрепления, которое позволило бы о нем говорить как о свершившемся факте (работы же Т. Вермюлена, Р. Ван дер Аркера [1] и других адептов метамодернизма следует признать лишь первыми, но не окончательными в этом направлении), можно с большой долей вероятности предположить, что «новая наивность», о которой так много говорят теоретики метамодернизма, в случае с философскими теориями выражается в поиске так называемой «большой теории». Споры о возможности, необходимости и о самом содержании «большой теории» для гуманитарных наук еще не достигли своего апогея, но все же представляется, что преодоление постмодернистской иронии, новая наивность и «большая теория» в случае с философией – разные стороны одного и того же процесса.

Эстетическая теория тесно связана в своем существовании со всем комплексом философских дисциплин, поэтому нет ничего удивительного в том, что она переживает сегодня тоску по «большим теориям». Можно по-разному относиться к прагматической эстетике (Р. Шустерман), нейроэстетике (В. Рамачандран) и айстетике (В. Вельш) (если называть лишь некоторые из набирающих силу), но каждая из них подразумевает преодоление иронии и стремление обратиться к основаниям (обновленным в том или ином отношении) ключевых эстетических вопросов. Современная эстетика все чаще предлагает переосмыслить собственные основания, чтобы определить те, что послужат отправной точкой для нового ее вектора и перехода к статусу «большой теории».

Однако одного только стремления обратиться к основаниям для развития эстетической теории недостаточно. Чтобы ясно осознавать, каким же образом складывается «большая теория» в эстетике, необходимо, помимо самого поворота к основаниям иметь в виду как минимум два аспекта.

Первый из них состоит в том, что поворот к «большим теориям» неразрывно связан с историей и практикой: переосмысление эстетической теории неизбежно приводит к изменению представлений о ее истории, а также о способе ее отношения к практике. Поэтому каждый из элементов триады «теория – история – практика» лишь в том случае обеспечивает движение вперед, если имеется взаимное влияние, и вопрос о «большой теории» в эстетике неразрывно связан с тем, какой видится ее история и отношение к практике.

Действительно, основания для изменения представления об истории и практике эстетики имеются. В том, что касается *истории эстетики*, можно заметить, как сильно изменились ее контуры за последние 20–30 лет. Если со времен первых работ в этой области (к которым следует отнести работы Дж. Коллера [2] и Ф. Циммерманна [3]) и до конца XX в. история эстетики трактовалась как история академических исследований, круг проблем которых был более-менее очерчен (эстетические категории, философия искусства, прикладные аспекты эстетики), то в последнее время налицо стремление расширить диапазон истории эстетики за счет включения в нее истории арт-практики, вопросов сомаэстетики, эстетики виртуального, политической эстетики. И хотя это расширение по большей части выглядит случайным, нельзя не признать, что в современных работах по истории эстетики все чаще наблюдается отказ от устойчивого круга тем. Так, М. Вудманси подчеркивает, что историю эстетики следует рассматривать не столько в связи с тем, что «собственно внутренние философские вопросы играют важную роль в эволюции эстетики» [4, с. 101], сколько в связи с социальными, правовыми и экономическими составляющими, что позволяет в конечном счете рассматривать историю эстетики как одну из форм культурной политики. А. Берлеант настаивает на переосмыслении истории эстетики под углом понятия вовлеченности [5], а в ставшем хрестоматийном сборнике статей «Переоткрывая эстетику» [6] каждый из авторов (А. Данто, В. Вельш, Т. де Дюв и др.) по-своему обозначает новые линии развития эстетики и ее истории. История эстетики перестает быть историей учебной дисциплины для вузов, а становится лабораторией по изучению актуальных проблем эстетики, в которой исторический аспект участвует в формировании самого проблемного поля эстетики.

Можно говорить и об изменениях контуров *практики эстетики*: эстетика уже давно перестала связываться с «философией красоты и искусства», а становится неотъемлемой частью политической и повседневной жизни. Еще сохраняется представление, что практической стороной эстетики является эстетическое суждение или оценка, вследствие чего практическое значение эстетики видится преимущественно в анализе аксиологического отношения к предмету, но постепенно (в XX в. в особенности) это представление вытесняется иным, согласно которому практическая сторона эстетики – это эстетический способ существования, бытие эстетиком (как об этом писали С. Киркегор или Ф. Ницше), это практикование «эстетики существования» (по выражению М. Фуко). И если придавать значение столь популярному термину, как *Homo Aestheticus*, то трактовать его следует не как «человека чувствующего» и подвергать анализу эволюцию человеческой способности судить о прекрасном (как это было дано у авторов термина Э. Диссанайка и Л. Ферри), а как «человека, обладающего эстетическим опытом», и рассматривать вопросы развития этого опыта, не сводимого к другим формам и выражаемого преимущественно в самом испытывании этого опыта, а не в его оценке. Лишь принимая во внимание, что не об инстанции вкуса в отношении красоты или искусства, а об особом испытывании эстетического опыта идет речь в современных формах практики эстетики, можно понять значение таких проектов, как

«эстетика политического» (Ф. Анкерсмит), «эстетика взаимодействия» (Н. Буррио) или со-маэстетика (Р. Шустерман). Само же определение эстетики как философии красоты и искусства уже не может сегодня не восприниматься как атавизм и наследие той эстетической теории, которой давно не соответствуют история и практика.

Изменения, происходящие в характере истории и практики эстетики, можно связать с тем, что и сама теория готова сделать несколько шагов вперед, чтобы стать «большой теорией». Однако, чтобы обозначить этот вектор движения, недостаточно определения отношения между теорией, историей и практикой. Скорее, следует рассмотреть, что же в самой теории может послужить основанием, опираясь на которое эстетическая теория становится «большой».

В этой связи вторым аспектом понимания того, как же возможна «большая теория» в эстетике, может служить понимание, что любая теория, с одной стороны, придерживается явных или скрытых *аксиом*, с другой, подразумевает определение и решение круга *проблем*, производных от этих аксиом. Эстетическая теория, претендуя на статус «большой», возможна только в случае, если она задает новую аксиоматику и связанную с ней проблематику, и от того, насколько то и другое дает возможность для движения вперед, и зависит становление эстетики как «большой теории».

Безусловно, как аксиоматика, так и проблематика эстетической теории имеют тесные отношения с ее историей и практикой. Эстетические рассуждения можно встретить в истории мысли с тех же самых пор, как эта мысль приобрела свою письменную форму, поэтому нет ничего курьезного в том, чтобы анализировать эстетические представления Древнего Востока или эстетические взгляды Гомера. Однако право именоваться теорией эстетика завоевала лишь с середины XVIII в., когда стал складываться устойчивый круг проблем, получивших наименование эстетических. В это же время складывается и аксиоматика эстетической теории, т. е. ряд положений, которые представляются очевидными для тех, кто ставит задачу определения проблем, связанных с этими аксиомами, и предложить их решение. Несмотря на то, что история эстетики существует более двух столетий, сама аксиоматика эстетической теории еще не стала предметом исторического изучения. Между тем исследования об очевидных положениях в эстетике, которые разделяли между собою И. Кант и Г. Гегель и которые предстают не столь уж очевидными для А. Шопенгауэра или Ф. Ницше, а уж тем более для Я. Мукаржовского или У. Эко, позволили бы иначе взглянуть не только на историю эстетики, но и на способы отношения теории к практике.

XX в. дает богатый материал для изучения аксиоматики и проблематики эстетической теории, но есть среди этого материала одно понятие, которое не только создало вокруг себя традиции осмысления и дискуссий, но и само служит одним из оснований для становления «большой теории» в эстетике. Таким понятием является «эстетический опыт», переоткрытие которого, можно надеяться, еще предстоит эстетической теории.

Понятие эстетического опыта возникает в начале XX в., а его закрепление произошло в работе Дж. Дьюи «Искусство как опыт» и вызванных ею дискуссиях. К этому времени в эстетике сложился определенный круг проблем, для обозначения которого и возникает это понятие. Среди этих проблем следует назвать такие, как вопрос об особенностях эстетического переживания (каково оно? следует ли его понимать как вчувствование? связано ли эстетическое переживание со знанием о предмете?), вопрос об эстетическом отношении (является ли незаинтересованность его необходимой характеристикой? подразумевает ли эстетическое отношение оценку?), вопрос о связи эстетического опыта и удовольствия (необхо-

димо ли удовольствие для эстетического опыта? возможно ли негативное удовольствие? является ли удовольствие единственным эффектом эстетического опыта?). Этот круг проблем не ограничивается перечисленными, но именно вследствие активного обсуждения вопросов, на которые указывало понятие эстетического опыта, сформировалась аксиоматика, а также обозначился ряд положений, оставшихся проблематичными и составляющих суть современных дебатов относительно эстетического опыта.

Поэтому возможно, во-первых, выделить положения, составившие аксиоматику для современного анализа эстетического опыта, и рассмотреть, насколько эти положения самоочевидны; во-вторых, обратиться к положениям, определяющим проблематику современного анализа эстетического опыта и выявить ее границы.

Итак, какова аксиоматика современной аналитики эстетического опыта?

Несомненно, первой аксиомой является то, что эстетический опыт вообще существует. Новейшая история эстетики знает ряд возражений против этой аксиомы: это и заверения В. Кенника, что поиск сущности эстетического опыта является попыткой, обреченной на провал [7], и утверждения Дж. Дики, что эстетический опыт – фантом [8], и современные нейроэстетические исследования, утверждающие, что «эстетический опыт – лишь определенные нейронные процессы, лежащие в основе эстетического поведения» [9, с. 3].

Между тем, если и возможна аналитика эстетического опыта, то лишь при допущении, что он каким-либо образом все же существует (каким именно – это предмет отдельных исследований), что есть в нем то, что позволяет называть его именно опытом и что он чем-либо отличается от иных возможных опытов (и потому есть в нем то, что делает опыт эстетическим). Именно это – способ существования опыта, основания отличия опыта от иных, в каком смысле опыт и в каком смысле эстетический – и составляет первый круг проблематики эстетического опыта, в основе которой – аксиома самого существования этого опыта. История эстетики XX в. знает немало примеров отстаивания этой аксиомы: это и работы М. Бердсли, вызвавшие во второй половине XX в. волну критики и опровержений, но в то же время инициировавшие само обсуждение того, что же такое эстетический опыт; это и исследования М. Дюфренна, в которых обосновывается идея существования эстетического опыта среди многообразия форм человеческой активности; это и работы Т. Адорно и Р. Шустермана, провозгласивших существование эстетического опыта как особого состояния, особенности которого выводятся из самого характера протекания этого опыта, и рассматривающих произведение искусства, связанное с этим опытом, как процесс и становление опыта. Ряд этих и аналогичных рассуждений из истории эстетики XX в. позволяет заключить, что именно *аксиома существования* эстетического опыта составляет первое, хотя и не единственное основание для любой теории эстетического опыта.

Другой аксиомой современной теории эстетического опыта является представление о том, что аналитика этого опыта вообще возможна, т. е. имеются основания для того, чтобы раскладывать представление об опыте на составляющие. И, как и в первом случае, существуют, безусловно, сомнения в том, что аналитика эстетического опыта возможна, что может существовать адекватный аналитический аппарат для этого анализа, что вообще этот опыт познаваем в каком-либо виде. Как правило, эти сомнения опираются на кантовское понятие незаинтересованности, своей значимостью для эстетики, но в то же время апофатичностью по формулировке позволяющее многим заявить, что эстетический опыт непознаваем; кроме того, в основе этих сомнений лежит представление, что «посредством эстетического опыта... мы воспринимаем бесконечное в конечном, сверхчувственное в чувственном, абсолютное в его проявлениях»

[10, с. 73], из чего можно заключить, что познание эстетического опыта лишь отчасти охватывает то выражающееся в нем бесконечное. Об этом же можно встретить и бытовые романтические рассуждения, что эстетический опыт настолько уникален и неповторим, что никакая аналитика относительно него невозможна. Если перефразировать знаменитое изречение М. Вейца, то можно сказать, что со стороны этих критиков аналитика эстетического опыта представляет собою тщетную попытку определить то, что определить невозможно. Между тем если и может существовать аналитика эстетического опыта, то только в виде подхода, состоящего в разложении этого опыта на определенные моменты (а именно разложение и имеется в первую очередь, если идет речь об анализе). Каковы моменты этого опыта, есть ли у него строение, сингулярен ли эстетический опыт или же подразумевает ряд фаз как моментов строения – все это составляет второй круг проблематики эстетического опыта, в основе которого – аксиома о возможности самой аналитики опыта. К тем, кто отстаивает аксиому возможности аналитики эстетического опыта, следует отнести исследования Р. Ингардена, а также ряд современных исследователей (прежде всего – Б. Уайт, выдвинувший идею о возможности создания «эстетиграмм» эстетического опыта [11]). Именно допущение этой *аксиомы возможности* позволяет анализировать строение эстетического опыта, без чего теория его немыслима.

Наконец, следует признать и третью аксиому для аналитики эстетического опыта, состоящую в том, что такая аналитика необходима. Безусловно, существует целый ряд теоретиков, выражающих сомнения в том, что если и существует эстетический опыт, если и возможна его аналитика, то никакой необходимости в ней нет, поскольку этот анализ оперирует понятиями, никак не соотносимыми с художественной практикой или же с процессами, имеющими место в современности. Особенно сильным выглядит это сомнение у Дж. Дики при рассмотрении такой формы эстетического опыта, как эстетическое отношение. В ставшей хрестоматийной работе «Миф об эстетическом отношении» Дики показывает, что это понятие (а вместе с ним и все рассуждения об эстетическом опыте) не дает ничего или почти ничего для анализа искусства, а потому все попытки угнаться за тем, что же имеется в виду под эстетическим опытом, пусты и не имеют отношения к действительности [12, с. 64]. Более спокойным сомнением относительно аналитики эстетического опыта может служить позиция У. Эко, согласно которой, если и есть необходимость в анализе каких-либо эстетических проблем, то иных, нежели проблема эстетического опыта; проблема эта вторична, поскольку не столько об эстетическом опыте, сколько об эстетической коммуникации необходимо вести речь при анализе эстетических проблем [13, с. 85].

Между тем аналитика эстетического опыта не может не допускать своей необходимости, основание которой видится в том, что есть что-то настолько исключительное в самом опыте, что его анализ необходимо провести как для самой эстетики, так и для многого из того, что выходит за пределы ее проблемного поля. Этой необходимостью, исходя из самой же эстетической теории, может выступать предмет эстетического опыта, называемый эстетическим объектом или же производящий характер эстетического опыта; из того же, что выходит за пределы проблемного поля эстетики, необходимостью этой аналитики может выступать влияние эстетического опыта на иные формы опыта и в целом на различные виды активности человека. В самом деле, существует ли эстетический объект, с которым связан опыт, и если да, то каков статус этого объекта? Что прежде – эстетический опыт или же объект, с ним связанный? Имеется ли необходимость атрибутировать этот объект как художественный? Выражает ли понятие эстетического опыта особое практическое измерение

эстетики? Все это составляет третий круг проблематики эстетического опыта, прояснить который возможно, только если допустить *аксиому необходимости* аналитики эстетического опыта. И история современной эстетики знает примеры раскрытия этой необходимости: в последних работах В. В. Бычкова и Н. Б. Маньковской постоянно говорится о необходимости анализировать эстетический опыт для понимания современной арт-практики [14], А. В. Фэйрчайлд рассматривает необходимость понимания «парадигм эстетического опыта» для изучения современных арт-институтов [15].

Нетрудно заметить, что названные три аксиомы замкнуты в своей модальности: первая исходит в анализе из существования эстетического опыта, вторая – из возможности анализа, третья – из его необходимости. Все они – своеобразный ответ на знаменитое сомнение Горгия: вместо «ничего не существует» утверждается, что существует эстетический опыт; вместо «ничего не познаваемо» утверждается, что возможна аналитика эстетического опыта; вместо «знание не передаваемо» утверждается, что аналитика эстетического опыта может претендовать на всеобщность, т. е. она необходима. В то же время очевидно, что названные три аксиомы тесно связаны между собою и являются не тремя разными векторами развития понятия эстетического опыта, а единым сгустком проблем, дискуссии вокруг которых составили одну из ярчайших страниц в истории эстетики XX в.

Таким образом, в круг проблем современной эстетической теории возможно внести ясность, если выделить в этом круге аксиоматику и связанную с ней проблематику теории. Становится ясным, что дискуссии об эстетическом опыте возможно вести, если, во-первых, принять определенные аксиомы и, во-вторых, рассматривать такие проблемы, как вопрос о способе существования эстетического опыта (и отличие этого опыта от иных), вопрос о его строении и вопрос об эстетическом объекте (и его отношении к опыту).

Но дело не только в том, что это понятие вызвало разные способы осмысления, но и в том, что именно внимание к понятию эстетического опыта, его аксиоматике и проблематике может выступить шагом в направлении «большой теории» в эстетике.

Это возможно показать, если вновь обратиться к роли истории и практики для эстетической теории. Если практический аспект современной эстетики состоит в отходе от аксиологического отношения к предмету и смещении в сторону эстетического способа существования, то именно понятие эстетического опыта (понимая под опытом испытывание, а не оценку) представляется наиболее адекватным для обозначения поворота в сторону такого понимания практики эстетики. Приняв, что эстетический опыт выражается вовсе не в эстетической оценке (хотя и может иметь к ней отношение), а в самом эстетическом способе существования, т. е. в испытывании определенных моментов этого опыта, для исследования открываются новые вопросы, которые составляют круг проблем «большой теории» эстетики: в чем же именно состоит эта «эстетика существования», какие процессы, складывающие эстетический опыт, его характеризуют, какие границы представления об эстетическом опыте возможно выделить.

Точно таким же образом и в отношении истории эстетики возможно поменять ракурс. Если представить ее не как историю понимания эстетической оценки, а как историю понимания эстетического опыта, а также как историю складывания аксиоматики и проблематики этого опыта, то этим ставятся новые вопросы, мимо которых академическая история эстетики со времен Дж. Коллера проходила: что составляло очевидность в понимании эстетического опыта во времена Канта или Ницше, а что – сегодня, за счет каких внутренних и внешних причин изменялись представления о моментах эстетического опыта, в какой момент и почему в академической эстетике закрепилось представление об эстетике как «философии красоты и искусства».

Итак, обращение к аксиоматике эстетического опыта позволяет поставить вопрос о самом же статусе эстетики как теории. Все это не значит, что только через обращение к темам и проблемам эстетического опыта возможна «большая теория» эстетики, но без внимания к аксиомам и проблемам, связанным с этим понятием, эстетическая теория многое упустит из виду и, возможно, утратит один из ресурсов для своего развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vermeulen T., Akker R. van den. Notes on metamodernism // J. of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.aestheticsandculture.net/index.php/jac/article/view/5677/6304> (дата обращения: 13.03.2016).
2. Koller J. Entwurf zur Geschichte und Literatur der Aesthetik. Regensburg, 1799. 111 p.
3. Zimmermann R. Ästhetik: Geschichte der Ästhetik als philosophischer Wissenschaft. Wien, 1858. 809 p.
4. Woodmannsee M. The Author, Art, and the Market: Rereading the History of Aesthetics. New York: Columbia UP, 1994. 200 p.
5. Берлеант А. Историчность эстетики // Феноменология искусства / отв. ред. К. М. Долгов. М.: ИФ РАН, 1996. С. 241–261.
6. Rediscovering Aesthetics: Transdisciplinary Voices From Art History, Philosophy, And Art Practice / Eds. F. Halsall, J. Jansen, T. O'Connor. Stanford University Press, 2008. 336 p.
7. Кенник В. Основывается ли традиционная эстетика на ошибке? // Американская философия искусства. Основные концепции второй половины XX в. – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм: антология / под ред. Б. Дземидока, Б. Орлова. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 87–112.
8. Dickie G. Beardsley's phantom aesthetic experience // J. of Philosophy. 1965. № 62 (5). P. 129–136.
9. Neuroaesthetics / eds. M. Skov, O. Vartanian. Baywood Publishing Company, 2009. 312 p.
10. Beiser F. C. The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism. Harvard University Press, 2004. 262 p.
11. White B. Aesthetigrams: Mapping Aesthetic Experiences // Studies in Art Education. 1998. Vol. 39, № 4. P. 321–335.
12. Dickie G. The Myth of the Aesthetic Attitude // American Philosophical Quarterly. 1964. Vol. 1, № 1. P. 56–65.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
14. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Феноменолого-рецептивные аспекты эстетического опыта // Искусствоведение. 2015. № 2 (36). С. 179–194.
15. Fairchild A. W. Describing Aesthetic Experience: Creating a Model // Canadian J. of Education. 1991. Vol. 16, № 3. P. 267–280.

A. E. Radeev

Saint Petersburg State University

ON THE QUESTION OF AXIOMATICS IN AESTHETIC EXPERIENCE

Modern aesthetics tends to create a «Grand theory» based on overcoming of postmodern irony and quest for a ground of new aesthetic problems. One aspect of this trend is the theory aesthetic experience. The article defines axioms and problems of aesthetic experience theory and their basic variants in contemporary aesthetic studies. The author of the paper argues that appealing to the axioms of aesthetic experience enables to put in question the status of aesthetic theory.

Grand theory, aesthetic experience, axiomatics, R. Shustermann, G. Dickie